МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ ВО ВРЕМЯ ПРОГУЛКИ НА МОСКОВСКИХЪ УЛИЦАХЪ.

I.

Лѣтомъ въ Москвѣ душно и скучно! Въ это годовое время одна часть жителей, избѣгая неудовольствія—глотать пыль и жариться на солнцѣ, переселяется въ деревню, другая—нанимаетъ миловидныя дачи въ окрестностяхъ Москвы, остальная, неимѣющая деревень для привольнаго житья, ни денегъ для найма и переѣзда на дачи,—довольствуется прогулками за городъ. Къ послѣднему разряду принадлежатъ многіе; въ спискѣ скромныхъ этихъ пѣшеходовъ состоитъ и писавшій эту статью. Прогулки мѣняются; одно и тоже человѣку надоѣдаетъ; ему свойственно искать перемѣны, онъ самъ ей подверженъ и физически и морально. И какая бѣда, если бы это было иначе! Тогда жизнь можно бы уподобить стоячей водѣ на Патріаршихъ прудахъ. Желательно только, чтобы это естественное влеченіе къ перемѣнѣ клонилось всегда къ лучшему, возвышеннѣйшему!...

Однажды вздумалось мнѣ посѣтить Лужники, лежащіе вблизи Новодѣвичьяго монастыря. Утро было прелестное! Безоблачное небо, роскошное сіяніе солнца, сладкое дыханіе воздуха—все предвѣщало прекрасный день; но всегда ли исполняются наши предположенія?—вѣдь они основаны на однѣхъ вѣроятностяхъ! и сколько обольщеній до заката дней! Утро жизни обѣщаетъ намъ радостную молодость, полдень удручаетъ насъ знойнымъ жаромъ, а подъ вечеръ вырываетъ съ корнемъ всѣ милыя мечты; убиваетъ все, что̀ мы любили, чѣмъ мы восхищались, и къ концу земнаго странствія стоимъ мы одиноки, разочарованные передъ горькою дѣйствительностію. Но полно, горевать ли о томъ!—Вѣдь нѣтъ жизни безъ черныхъ дней, безъ жертвъ: это условія жизни, неизбѣжный удѣлъ человѣчества, повелѣвающій проводить эту бурную жизнь съ сердцемъ легкимъ и безъ ропота. Не на то ли намекнулъ Пушкинъ, сказавъ:

Но не хочу, о други, умирать,
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
и проч.

А Шиллеръ:

Mir gefällt ein lebendiges Leben,
Mir, ein ewiges Schwanken und Schwinden und Schweben
Auf der steigenden, fallenden Welle des Glücks.

(Мнѣ нравится жизнь *живая!* нравится это вѣчное движенiе, вѣчное колебанье, вѣчное колыханье на воздымающейся и ниспадающей волнѣ счастья).

Отъ Сухаревой башни, забывъ древнюю французскую пословицу: quand il fait beau, prends ton manteau, quand il pleut, prends le si tu veux, пустился я въ путь въ легонькомъ лѣтнемъ пальто съ тросточкою въ рукахъ.—Читатель изъ этого убѣдиться можетъ, что я не совсѣмъ отсталъ отъ своего вѣка, въ которомъ все старое, и старыя пословицы забыты, какъ будто протекшее уже никакой связи не имѣетъ ни съ настоящимъ, ни съ будущимъ. Всѣ прельщаются, и не безъ причины, единственно новымъ, юнымъ. Во время моей прогулки испыталъ я, что не худо бы соединять милое настоящее съ отчасти отжилымъ протекшимъ, неизвѣстнымъ будущимъ, и изъ предосторожности накинуть на себя плащъ, или взять вмѣсто тросточки съ львиной головою, давно выдуманный спасительный отдождевникъ (parapluie). Я не говорю о нынѣшнихъ новомодныхъ, которые едва прикрываютъ голову, а о тѣхъ дюжихъ парусинныхъ, которые, подъ огромнымъ сводомъ своимъ, прикрывали человѣка съ головы до ногъ. Эти гигантскiе отдожевники перешли нынѣ въ руки лакеевъ, смѣющихся за каретою, или, по нынѣшнему, возлѣ кучера на козлахъ, надъ щеголемъ, промокшимъ отъ дождя, подъ новомоднымъ, безприютнымъ зонтикомъ.

Люблю Сухареву башню! это памятникъ временъ Великаго Петра, и сколько думъ наводитъ онъ! Здѣсь былъ разсадникъ просвѣщенiя въ Россiи; тутъ собирались ученѣйшiе мужи того времени: Лефортъ, Брюсъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Фарварсонъ, и проч. и съ ними бесѣдовалъ Великiй Петръ. По повелѣнiю этого государя, Фарварсонъ учредилъ здѣсь морское училище, въ которое поступилъ Магницкiй учителемъ ариѳметики, писанной не очень складными виршами. Нынѣ къ этому древнему памятнику присоединяется и память объ Императорѣ Александрѣ, по приказанiю котораго учрежденъ резервуаръ, доставляющiй жителямъ Москвы чистую воду.—Выхожу на раздольную Срѣтенку, напоминающую Срѣтенiе чудотворной иконы Владимiрской передъ бѣгствомъ Тамерлана изъ Россiи. Не могу не заглядывать въ протекшее, не вызывать событiя первой моей молодости, не помраченной горькою опытностью, и не могу бродить по

улицамъ московскимъ, не вспоминая о тѣхъ жителяхъ, которыхъ лѣтъ за 40 и болѣе я посѣщалъ. Владѣльцы этихъ домовъ покоятся давно въ сырой землѣ; а стѣны ихъ жилищъ подправлены, украшены сообразно вкусу вѣка. Человѣкъ умираетъ, и съ опущеніемъ тѣла его въ землю—его какъ будто и не бывало; но неодушевленные предметы, ему принадлежавшіе или произведенные имъ, живутъ цѣлые вѣкà. Не намекаетъ ли это, что человѣкъ и на землѣ не совсѣмъ умираетъ? Я назвалъ бы это—пластическимъ его безсмертіемъ.

Вотъ это былъ англійскій купеческій домъ Рованда и К°., знаменитый торговлею, особенно съ Лондономъ. Старинный фасадъ его преобразованъ по новому стилю. Далѣе—это былъ домъ знаменитаго откупщика, г. С*.; тутъ въ разгульные дни весело воспѣвали въ огромной залѣ:

Ахъ, кто выдумалъ хмѣльное,
Тотъ зѣло разуменъ былъ, и проч.

Теперь верхній этажъ дома отдается внаймы. Это ужъ не барскій домъ для раздольнаго житья, а просто—спекуляція. Еще лѣтъ за 40 назадъ не болѣе, отдать свой домъ внаймы, показалось бы барину оскорбленіемъ своего имени, было бы отсутствіемъ понятія о чести; но чтò сказалъ бы горделивый г. С*., если бы увидѣлъ въ нижнемъ этажѣ своего дома книжную лавку, и, о ужасъ! вмѣсто дворянскаго герба усмотрѣлъ бы огромную вывѣску книгопродавца въ нѣсколько аршинъ длины и вышины, которая такъ нескромно застилаетъ часть его дома. Вѣрно произнесъ бы энергическое проклятіе, и рѣшительно—отрекся бы отъ своего зàмка.

А этотъ готическій, прежде пасмурный домъ на дворѣ, имѣющій видъ стариннаго дворца, принадлежалъ князю Волконскому, потомъ графу Ростопчину. Кто при этомъ имени не вспомнитъ о московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ въ 1812 году? Въ минуту выступленія русской арміи изъ села Воронова, графъ приказываетъ разложить солому но комнатамъ огромныхъ своихъ палатъ, беретъ фитиль, и собственною рукою обращаетъ въ пепелъ болѣе 500 т. р., чтобы не было пристанища Французамъ; хотя это не принесло никакой пользы, ибо Кутузовъ не допустилъ непріятеля до села Воронова, но жертва ожесточенія русскаго патріотизма противъ врага была велика, и достойна памяти въ потомствѣ. Нынѣ домъ графа Ростопчина принадлежитъ гр. Ор., и получилъ видъ обновленный, веселый. Вотъ и другой домъ тоже знаменитый,—это бывшій домъ князя Пожарскаго. Странная игра случая: бывшій домъ князя Пожарскаго и графа Ростопчина, этихъ двухъ знаменитыхъ враговъ—

Поляковъ и Французовъ, по истеченіи 200 лѣтъ, стояли въ 1812 г. другъ подлѣ друга. Какъ это случилось?—Кто знаетъ!—дѣйствія слѣпаго случая независимы отъ какихъ-либо ясныхъ или очевидныхъ причинъ.

Домъ кн. Пожарскаго былъ послѣ домомъ Г., прославившимся очень оригинальнымъ образомъ. Здѣсь купался хозяинъ въ огромныхъ ваннахъ, наполненныхъ розовою водою, и вмѣстѣ съ запахомъ розъ, выдохлись и домъ и огромное его состояніе. Баринъ этотъ былъ питомцемъ веселой школы XVIII столѣтія, въ которой и въ голову не приходило размѣрять расходы по доходамъ своимъ. Теперь въ домѣ этомъ помѣщается гимназія, — такъ роскошь, мотовство, да и все подвержено измѣненію, переработывается и приноситъ хорошіе плоды.

Вотъ и улица, извѣстная московскимъ львамъ и львицамъ подъ названіемъ Кузнецкаго Моста; здѣсь старожилъ едва что-нибудь узнать можетъ. Въ домахъ Долгорукихъ, Голицыныхъ, Собакиныхъ, Всеволожскихъ и пр., гдѣ вмѣстѣ съ хозяевами жило русское роскошное гостепріимство, живетъ теперь духъ коммерческій; магазинъ подлѣ магазина, портной подлѣ портнихи и т. д. Они наполнили всю улицу модными нарядами, товарами. И вотъ какъ сближаются отдаленнѣйшіе вѣка съ нынѣшнимъ; гдѣ по преданію у боярина Кучки ковали желѣзо, нынѣ куютъ червонцы — изъ чего? изъ чепчиковъ, шляпокъ и пр. Иду мимо, не заглядывая на сотни позлащенныхъ вывѣсокъ. Не обратятся ли эти вывѣски съ какими-то какъ бы руническими надписями въ карманныя эпитафіи? Я ихъ всѣхъ замѣнилъ бы одною: *здѣсь подправляются искусствомъ недостатки природы и подновляется утраченная молодость.* Иду прямо по Никольской улицѣ. Здѣсь стоялъ огромный готической архитектуры домъ гр. П. Б. Ш*. Я бывалъ въ дѣтствѣ у гостепріимнаго хозяина. Не знаю, почему вздумалось сыну его Н. П. сломать эту колыбель графовъ Ш.* Ибо старинный этотъ домъ выстроенъ былъ фельдмаршаломъ гр. Б. П. Ш.*, сподвижникомъ великихъ дѣлъ Петра. Нынѣ простая ограда занимаетъ мѣсто огромнаго замка и открываетъ флигель, гдѣ жилъ, недавно умершій, гостепріимный хлѣбосолъ Г. Ч.* Онъ, не думая о томъ, продолжалъ въ уменьшенномъ видѣ огромное гостепріимство гр. П. Б. Ш.* Иду далѣе, и не внимая привѣтливымъ приглашеніямъ: «сюда пожалуйте, сюда, у насъ лучшій товаръ, и пр.» вхожу въ Кремль, отдыхаю у арсенала, обставленнаго пушками 20-ти языковъ. И арсеналъ—памятникъ великаго Петра, Кремль дышетъ глубокою, почтенною древностью. Здѣсь русскому какъ-то отрадно и привольно. Каждый предметъ свидѣ-

тельствуетъ о многихъ событіяхъ, которыя возбуждаютъ тысячу воспоминаній. Это поприще то славныхъ, то плачевныхъ происшествій. Не здѣсь ли было жилище древнихъ царей нашихъ? Въ наше время, по повелѣнію Императора Николая I, выстроенъ здѣсь великолѣпный дворецъ, изумляющій своею обширностію и богатоиозлащеннымъ куполомъ. Кремль и нынѣ пользуется честью, принадлежащею древности. Не сюда ли притекали Государи россійскіе, чтобы тамъ въ первенствующемъ храмѣ принять со священнымъ мvромъ благословеніе Неба и Церкви?

Не взрывъ ли части Кремля, внушенный злобнымъ мщеніемъ за неудачу, отбросилъ Наполеона на островъ св. Елены, по крайней мѣрѣ не былъ ли первымъ къ тому сигналомъ?

Иду черезъ Троицкіе ворота, черезъ нихъ вступали въ Кремль Годуновъ и Наполеонъ. Первый — на царство; второй какъ будто побѣдителемъ, и въ высокомѣрномъ своемъ самообольщеніи ни тотъ, ни другой не предвидѣли своей участи. Что, если-бы книга судебъ развернулась внезапно передъ ними? Какъ помрачилось бы горделивое ихъ чело среди пышнаго и ненадежнаго для нихъ торжества!....

Выхожу на площадь. Вотъ и бывшая колыбель Нарышкиныхъ. Не отсюда ли выѣхала на вѣнчаніе богатая добродѣтелями Наталья Кириловна, мать Великаго Петра? Теперь собираются здѣсь сокровища, доставляемыя богатою Сибирью. Вотъ и великолѣпный домъ Пашкова. Онъ обращенъ въ гимназію; но старое названіе осталось какъ-бы въ честь, отдаваемую вкусу богатаго строителя этого украшенія Москвы. Нѣтъ болѣе передъ домомъ тѣхъ красивыхъ фонтановъ и разныхъ иноземныхъ птицъ, которыя купались въ прудахъ, водоемахъ, и при Пашковѣ собирали противъ ограды толпу зрителей всякаго рода.—А это? На этомъ мѣстѣ былъ дворецъ Великой Екатерины, подъ названіемъ Пречистенскаго. Тутъ теперь домъ не столько знаменитый зодчествомъ, какъ благотворительностію, щедро разливаемою на бѣдныхъ и сирыхъ рукою почтеннаго вельможи, которому онъ принадлежитъ. Изъ всѣхъ добродѣтелей подъ одну благотворительность поддѣлаться нельзя ни словами, ни голосомъ, ни тѣлодвиженіями. Она скромно обнаруживается лишь облагодѣтельствованными ею.

Однако, долго ли буду я останавливаться при каждомъ предметѣ, и разбирать, что̀ было и что̀ есть? Когда же дойду до Лужниковъ?— Не оглядываясь, иду прямо къ цѣли; но вотъ камень преткновенія. Я замѣчалъ: когда себѣ дашь слово чего-нибудь не дѣлать, тогда искушеніе одолѣваетъ душу, и увлеченные окружающими насъ предметами, мы забываемъ данное себѣ слово. Я на Дѣвичьемъ полѣ. Оно

было издревле, и еще при Императорѣ Павлѣ I, плацъ-парадомъ русскаго воинства. Не могу не остановиться на одномъ происшествіи, бывшемъ на Дѣвичьемъ полѣ вскорѣ по пріѣздѣ Императора Павла I къ коронаціи въ Москву. Въ послѣдній годъ царствованія Императрицы Екатерины II выпущенъ былъ изъ конной гвардіи поручикъ Брандтъ премьеръ-маіоромъ въ Астраханскій гренадерскій, послѣ Архаровскій полкъ. Брандтъ былъ человѣкъ крайне образованный, благородный, вспыльчивый и честолюбивый. Въ одинъ вечеръ получилъ онъ отъ г. экзерциръ-мейстера, полковника N**, записку, чтобы на другой день въ 8-мь часовъ представить полкъ па Дѣвичьемъ нолѣ; Брандтъ дошелъ до Зубова, остановился и ожидалъ, чтобы на Спасской башнѣ ударило 8-мь часовъ. Едва пробило 8-мь, какъ Брандтъ вступилъ на плацъ-парадъ, гдѣ уже г. экзерциръ-мейстеръ прохаживался. Брандтъ подошелъ къ нему съ рапортомъ. «Ты запоздалъ, сказалъ экзерциръ-мейстеръ.—По запискѣ вашей, отвѣчалъ Брандтъ, я привелъ полкъ въ 8-мь часовъ.— «Не правда, я приказалъ быть въ 7-мь часовъ».—Записка ваша при мнѣ.—«Покажи». Брандтъ подалъ. Экзерциръ-мейстеръ, прочитавъ записку, разорвалъ ее на мелкіе куски. Это взорвало Брандта: за чѣмъ ты ее изорвалъ, сказалъ онъ: грамотѣ не знаешь, вмѣсто 7-ми написалъ 8-мь и теперь меня обвинить хочешь! «Тише, молодецъ!» и въ запальчивости своей произнесъ экзерциръ-мейстеръ неприличное слово на счетъ прежняго при Екатеринѣ порядка вещей. Но онъ не успѣлъ еще договорить, какъ пощечина была уже на щекѣ его. По командѣ дошло это произшествіе до Государя. Брандтъ былъ разжалованъ въ солдаты и во все время коронаціи оставался рядовымъ въ Архаровскомъ полку. За двѣ недѣли до отъѣзда Императорской Фамиліи въ Петербургъ, пріѣзжаетъ въ Архаровскій полкъ фельдъегерь съ повелѣніемъ представить Императору рядоваго Брандта. Два по тогдашнему секундъ-маіора того-же полка Фонъ-деръ-Фельдены, и я, пріятель Брандта, не зная, чѣмъ кончится этотъ призывъ, крайне испугались. Черезъ нѣсколько часовъ Брандтъ съ торжествующимъ лицомъ возвращается къ намъ и разсказываетъ слѣдующее: онъ введенъ былъ въ кабинетъ Императора, сталъ у дверей во фронтъ и твердымъ голосомъ провозгласилъ: «Здравія желаю Вашему Императорскому Величеству!» Государь, подошедъ къ нему, сказалъ: «У Царя Небеснаго нѣтъ пра-«восудія безъ милосердія и у Царя земнаго быть не должно! Вы «поступили противъ субординаціи, я вынужденъ былъ васъ нака-«зать, но вы, какъ благородный человѣкъ, защищали вашу Императ-«рицу. — Поцѣлуемтесь, г. подполковникъ»!....

По окончаніи разсказа, слеза навернулась на глазахъ разскащика и слушателей. Быстрѣе молніи разнеслось великодушіе Императора

по всему полку, и восторгъ былъ всеобщій. Сколько теплыхъ молитвъ вознеслось за милосердіе Царя къ Источнику всякаго милосердія и благости!...

Вижу знакомый деревянный домъ; какъ не поговорить о его хозяинѣ, о которомъ вспомнить нельзя, не приводя себѣ на память и драгоцѣнный его музеумъ россійскихъ древностей. Здѣсь хранятся вѣковыя рукописи, славянскія книги, автографы знаменитѣйшихъ мужей, старинныя иконы, кресты, панагіи, разныя утвари, объясняющія намъ домашнюю и общественную жизнь русскаго народа. Все это любопытно, занимательно для знатока и любителя.

Вотъ и Ново-дѣвичій монастырь. Какъ тутъ не остановиться! Не сюда ли удалился къ отрекшейся отъ престола сестрѣ своей Борисъ Годуновъ. Здѣсь умоляли его духовенство и бояре принять державу. Онъ сперва отказывается, потомъ принимаетъ скипетръ и корону. Но вотъ воспоминаніе другаго рода. Здѣсь казнены были мятежники, бывшіе на сторонѣ властолюбивой царевны Софіи. Въ этомъ монастырѣ провела она послѣдніе дни свои, вспоминая о юношескихъ своихъ замыслахъ, оплакивая, можетъ быть, сперва неудачу честолюбивыхъ своихъ плановъ, потомъ, отчужденная отъ всего земнаго, не пала ли она на колѣна предъ крестомъ Спасителя, проливая слезы раскаянія? Раскаяніе это самый благотворный даръ неба. Онъ заключаетъ окончательный расчетъ съ прошедшимъ, перерождаетъ душу и даетъ ей силу неуклонно проводить возобновленную жизнь. Я вошелъ въ обитель, сталъ передъ скромнымъ камнемъ, покрывающимъ прахъ ея. Земное возвращено землѣ! сказалъ я, тамъ даетъ Софья отчетъ, чѣмъ ознаменовала земной путь,—и вышелъ изъ монастыря. На свѣжемъ Божіемъ воздухѣ повѣяло на меня что-то утѣшительное изъ того таинственнаго, незримаго, но предчувствуемаго міра.

II.

Да вотъ и Лужники! — Какъ? это-то знаменитые Лужники, прославленные лужницкимъ старцемъ въ Вѣстникѣ Европы? — Да что въ нихъ? плоская луговина, нѣсколько разбросанныхъ хижинъ, шалашей, огороды, кое-гдѣ жалкая группа деревъ, въ сторонѣ суконная фабрика, за нею церковь, чей-то домъ—вотъ и все,—было чѣмъ похвастать нашимъ поэтамъ и прозаикамъ! Все смотритъ такъ холодно, не на что полюбоваться, развѣ извилистымъ теченіемъ Москвы рѣки, видомъ на Воробьевы горы, мамоновскую дачу. Такимъ образомъ, Лужники выходятъ пьедесталомъ, съ котораго удобно восхищаться отдаленными предметами. Я лучше предпочту идти

туда, гдѣ все такъ кажется красивымъ. Вижу тропинку, ведущую къ Москвѣ рѣкѣ, найму тамъ лодку и переѣду на другой берегъ, который прельщаетъ меня своею утесистою горою, густыми кустарниками, богатою зеленью, разбросанными по берегу красивыми домиками, фабрикою; а вдали на высотѣ виднѣется селеніе Воробьевыхъ горъ.... Оттуда смотрѣли нѣкогда на Москву завистливыми глазами татарскіе ханы, Наполеонъ, и, какъ любознательная путешественница, г-жа Сталь-Гольштейнъ. По тропинкѣ дошелъ я до песчанаго берега; вижу на противномъ берегу лодку, но плывущіе по рѣкѣ плоты съ лѣсомъ не позволяетъ ей скоро приблизиться; объѣздъ великъ, а на небѣ грозно. Изъ-за селенія Воробьевыхъ горъ сильный вѣтеръ гналъ огромную темносѣрую тучу прямо на меня. Воротиться—но куда?—отвсюду далеко; лучше и ближе переправиться на противоположный берегъ. Кричу, машу платкомъ, привязавъ его къ тросточкѣ, чтобы тамъ увидѣли бѣдственное положеніе странствующаго москвича; засуетились на другомъ берегу, кажется, кто-то отдаетъ приказаніе; дѣйствительно, человѣкъ бѣжитъ, садится въ лодку, отчаливаетъ, но когда объѣдетъ онъ плоты? Гдѣ искать защиты? нѣтъ ни единаго дерева, подъ которымъ бы можно было укрыться; а густая туча покрываетъ всю сторону какъ будто чернымъ покрываломъ. Вотъ выѣхала лодка изъ-за плотовъ, я радуюсь, какъ вдругъ забушевалъ холодный вѣтеръ, и съ ужаснымъ свистомъ грянулъ крупный, частый дождь, который черезъ нѣсколько минутъ промочилъ меня до костей. Наконецъ, причалила лодка, но,—nulla calamitas sola,—отъ сильнаго вѣтра стала она ко мнѣ не бокомъ, а носомъ въ аршинъ вышины. Я кое-какъ вскарабкался, ступилъ уже лѣвою ногою на этотъ огромный носъ лодки, какъ отъ напряженія моего она покачнулась, я потерялъ равновѣсіе, поскользнулся, правая нога не успѣла подоспѣть на помощь лѣвой, и погрузилась въ рѣку.

Если бы Харонъ мой не схватилъ меня за лѣвую руку, и не потащилъ за собою, то, вѣрно, не описывалъ бы я этого оригинальнаго купанья. Бурныя волны Москвы рѣки унесли бы тѣло мое въ безпредѣльный океанъ. Какой? право, и самъ не знаю. Говорятъ: у страха глаза велики—и вѣрно. А дождь ливнемъ льетъ. Наконецъ, стою я въ лодкѣ. Вода почти по колѣна. Мы объѣхали плоты, причалили къ берегу, и я опять на твердой землѣ. Харонъ мой немедленно обратился въ услужливаго Меркурія — и повелъ меня прямо въ сушильню, какъ мокрый товаръ, миткаль, кисею и пр.; развѣшиваютъ мое платье, и спасибо африканскому климату сушильни,—чрезъ 2 часа строгаго карантина, гдѣ содержали меня въ легонькомъ одѣ-

янія, я могъ прилично явиться къ жителямъ дома. Но гдѣ я? На бѣлильной фабрикѣ, нашелъ здѣсь милое гостепріимство и хорошенькихъ образованныхъ дамъ. Время текло пріятно, разговоръ нашъ былъ оживленъ и веселъ. Меня оставили обѣдать; за столомъ разговоръ шелъ о претерпѣнныхъ мною опасностяхъ на водахъ Москвы рѣки. Смѣхъ былъ всеобщій. Всѣ дамы безъ изъятія были такъ любезны, что если бы я былъ извѣстнымъ фригійскимъ пастухомъ, и возложили бы на меня обязанность рѣшить, кому вручить яблоко,— то я разрѣзалъ бы его на кусочки по числу дамъ, и на золотомъ блюдѣ поднесъ бы каждой по ломтику,—а золотое блюдо, на память, «ad memoriam posteritatis», оставилъ бы себѣ.

III.

Я остался на фабрикѣ переночевать. По привычкѣ встаю въ 5 часовъ утра. Слышу бѣготню, шумъ, стукъ, фабрика въ дѣйствіи. Не худо узнать, что̀ дѣлается въ бѣлильнѣ,—иду туда. Фабрика работаетъ по коммиссіи. Привозный товаръ, по изреченію мастера, *идетъ въ дѣло*, а по моему—на разныя истязанія. Сперва палятъ матерію на раскаленномъ цилиндрѣ, чтобы не оставалось ни малѣйшаго узелка. Слѣдуетъ валка на толчеѣ, потомъ замо̀чка, варка, опущеніе въ хлоръ, кислоту, и послѣ каждой изъ этихъ операцій производится мытье. Отправляютъ въ сушильню, крахмалятъ, складываютъ и кладутъ подъ прессъ. Кончилось истязаніе. Болѣе всего понравилась мнѣ, такъ называемая, эластическая кисея. Ее растянутъ, и она опять принимаетъ первобытную свою форму. «Это секретъ», сказалъ мнѣ мастеръ. Я не добивался его узнать, ибо врядъ ли заведу бѣлильню уже изъ одного состраданія, чтобы не подвергать невинной матеріи подобнымъ мытарствамъ.

Впрочемъ, не такъ ли и все идетъ въ подлунномъ мірѣ нашемъ, и не на однѣхъ фабрикахъ? не такъ ли и съ человѣкомъ? Страдай, терпи, молчи, чтобы выстрадавшему, очищенному, \отбѣленному, явиться туда, куда Промыслу угодно будетъ направить путь нашъ.

Я переплылъ рѣку и нахожусь опять въ Лужникахъ. Здѣсь убѣдился я, что взглядъ на предметы, насъ окружающіе, часто, если не всегда, зависитъ отъ нашего внутренняго расположенія. Вчера былъ я въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ навѣяла на меня какая-то грусть, и Лужники мнѣ не понравились. Теперь посмотрѣлъ я на нихъ весело, проведя время въ кругу образованныхъ людей, и Лужники явились въ другомъ видѣ, растительность была пышна, шалаши превратились въ веселые домики, вся эта страна вблизи Москвы по-

казалась мнѣ миленькою, уединенною деревушкою, и весь горизонтъ Лужниковъ украшался прелестнѣйшими видами.

Возвратясь домой, записалъ я для памяти: не должно судить о предметахъ, насъ окружающихъ, по первому впечатлѣнію; потомъ, никогда не пренебрегать старинными пословицами: quand il fait beau, prends ton manteau, quand il pleut, prends le si tu veux; а по-русски:

Храни себя отъ бѣдъ,
Пока еще ихъ нѣтъ....

А между тѣмъ подумалъ: какъ грустно, что сколько бы ни старался человѣкъ обратить себѣ въ пользу сдѣланные имъ опыты, въ шестьдесятъ-ли, семьдесятъ или болѣе лѣтъ, все еще останется что-нибудь имъ недознанное, неиспытанное, неисправленное. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, а все умрешь, если не совсѣмъ дуракомъ, то все-таки несовершеннымъ умникомъ.

ЯКОВЪ ДЕ-САНГЛЕНЪ.